

ГЛАВА IV.

ИДЕЙНАЯ БОРЬБА ЗА ЛЕНИНИЗМ В ТЕОРИИ И ПЛЕХАНОВСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Наследство Плеханова в 20-е годы явилось ареной не только теоретической борьбы различных мнений по проблемам философии, эстетики, литературоведения. Оно было также в этот период ареной острой политической борьбы. Разношерстные идейные группировки, существовавшие в 20-е годы, которые или не принимали или не понимали ленинизма, стремились оценить и истолковать плехановское наследие со своих особых позиций, использовать его в своих идеологических целях. Критическая литература о Плеханове целиком находилась в зависимости от этой борьбы. Поэтому нельзя глубоко и верно разобраться в исследовательской и критической литературе о нем в эти годы, не проследив ее связи со всеми особенностями напряженного и сложного в социально-идеологическом отношении первого десятилетия в жизни советского общества.

Внутри нашей партии и вне ее тогда, как известно, существовали влиятельные силы, которые открыто выступали против ленинизма, настойчиво и упорно сопротивлялись переходу молодой советской теоретической и научной мысли на идейные основы ленинизма. Открытые и скрытые враги и противники ленинского учения пользовались разнообразными приемами и средствами в борьбе с ним. Широкое распространение получили в те годы всякого рода измышления, направленные на принижение теоретической ценности и значения трудов В. И. Ленина для современной научно-теоретической мысли, в особенности таких, как эстетика, литературоведение, искусствоведение.

Идейное сопротивление ленинизму направлялось и всячески поддерживалось антипартийными фракционными группировками, которые вели борьбу не только против политической линии ленинской партии, но и против ленинской теории. Од-

нако чуждые ленинизму идейные устремления не ограничивались сферами антипартийных фракций. Влияние их распространялось на умонастроения значительной части советских теоретиков и историков общественной мысли тех лет, которые не принадлежали к антипартийным фракциям, но либо вообще не поднялись в своем развитии до уровня ленинизма в теории, либо недостаточно зрело владели марксистско-ленинской методологией, чтобы решать сложные вопросы теории, руководствуясь марксистско-ленинскими методологическими принципами. Часто даже те литературные деятели и теоретики искусства, которые признавали основополагающее значение теоретического наследия В. И. Ленина, испытывали идейное влияние чуждых теорий. Вследствие недостаточной теоретической зрелости и методологической выдержанности молодая советская научная мысль испытывала влияние со стороны старых буржуазных теорий, некритически воспринимала отдельные положения «академических школ» или сама конструировала псевдонаучные концепции, основанные на упрощенном понимании марксизма-ленинизма.

1.

Популярность имени Г. В. Плеханова в этих условиях использовалась — кое-кем сознательно, а другими безотчетно — в нечистоплотных политических целях, враждебных коммунистической идеологии, во вред дальнейшему развитию марксистско-ленинской теории. Теоретические труды Плеханова по философии, эстетике и критике часто выставлялись и афишировались в противовес ленинизму, о котором говорилось, что он якобы мало что сделал в этой области. Это наносило огромный вред великому историческому делу современной революционной теории — переходу ее на новый, на ленинский этап научного мышления.

Лидеры меньшевиков еще до Октябрьской социалистической революции придумали и пустили в оборот версию о теоретической слабости Ленина. Эта нехитрая выдумка понадобилась им, чтобы попытаться дискредитировать Ленина в партии и рабочем движении и таким путем подчинить всю партию их меньшевистским «теориям». Не надо скрывать: бесславная и постыдная пальма первенства в изобретении этого фракционного приема борьбы с Лениным принадлежит не кому-либо другому, а именно самому Плеханову. Он первым применил хлесткий способ шельмования Ленина, как теоретика, с расчетом устранить влияние Ленина в партии. Плеханов демонстративно не раз выставлял себя неким непогрешимым

оракулом диалектических истин и прибегал к «отлучению» Ленина и его сторонников от диалектики, обнаруживая несоответствие отдельных ленинских положений с его собственными «диалектическими» предписаниями и заповедями. Еще накануне II съезда РСДРП, когда выявились коренные расхождения Ленина с Плехановым по программным вопросам, Плеханов писал в письме к Ю. Мартову: «Теперь начинается борьба метафизического материализма Тулина с диалектическим материализмом Бельтова». Разногласия между Лениным и Плехановым по проекту программы были и в самом деле связаны с глубокими коренными различиями ленинского и плехановского методов мышления, в них отражалось понимание каждым из них диалектики. Плеханов уже здесь обнаруживал ущербные стороны его диалектики.

Диалектический метод учит, что отвлеченных истин нет, истины всегда конкретны. Это хорошо знал в общем виде сам Плеханов, и он любил часто повторять гегелевскую фразу по этому поводу. Но одно дело иметь общее понятие, а другое — применить его в конкретном случае. При составлении программы от Плеханова требовалось применение диалектического метода к анализу конкретных исторических условий, в которых развертывалась революционная борьба русского пролетариата, и выработка такого плана действий, который обеспечивает успех борьбы в этих условиях. Однако вместо определения конкретных программных действий с учетом обстоятельств, в которых совершалась русская революция, Плеханов, по замечанию Ленина, обходил своеобразную расстановку классовых сил в России, рассуждал о «капитализме вообще, а еще не о русском капитализме», ссылаясь на пример других стран и т. п.² Уже на этом этапе у Плеханова, таким образом, давала себя знать слабая сторона всей его теории: он не обладал способностью раскрывать своеобразие исторических условий революционного движения на новом этапе его развития, не сумел поднять теорию до научного понимания изменившихся исторических процессов. Это обрекало Плеханова на отставание от жизни. Когда возникала необходимость давать новые теоретические решения, соответствующие запросам новой эпохи, он склонен был подменять диалектику живой действительности (а только в таком случае диалектика и соответствует марксистским принципам познания) абстрактно-логическими схемами. Плеханов не замечал своего недостатка. Оказался неспособным он заметить и преимущество ленинского метода мышления. Поэтому под видом защиты диалектики, подменяя конкретный анализ исторических событий и конкретных условий

революционной борьбы в России книжными, абстрактными схемами и штампами, Плеханов в меньшевистский период его деятельности принимался твердить о «совершенной беззаботности» Ленина «по части философии» (XIII, 17; XIII, 274; XV, 392), начинал обвинять Ленина и большевиков в том, что они «рассуждают метафизически» (XIII, 174; XV, 57).

«Я никогда не считал Ленина сколько-нибудь выдающимся теоретиком и всегда находил, что он органически неспособен к диалектическому мышлению» (XIII, 135), — бахвалился Плеханов, высокомерно становясь в позу апостола диалектики. Всякий раз, замечая расхождение взглядов Ленина и большевиков с его собственными оппортунистическими взглядами, он начинал третировать большевизм, как «более или менее узко и дубовато понятый марксизм» (XIX, 22) и как «утопизм, введенный в квадрат» (XV, 263).

В наше время подобные выпады Плеханова против Ленина — а их немало у него в меньшевистский период — настолько недостойны для чести самого Плеханова, пытавшегося унизить и опорочить величайшего вождя социалистической революции и корифея современной теоретической мысли, что о них вряд ли стоило бы и вспоминать, а тем более заниматься их опровержением. Сама история жестоко развенчала незадачливого хулителя Ленина! Однако высказывания Плеханова тем не менее, не следует не учитывать и недооценивать.

В прошлом не однажды предпринимались попытки представить дело таким образом, будто расхождения Плеханова с Лениным касались лишь сферы политических решений, вопросов тактики и стратегии в революции. Утверждалось, что в теории разногласия между ними не имели якобы принципиального характера. Плеханов, как видим, не разделял этой точки зрения. Напротив, он открыто превозглашал, что все то, что вносил нового в теорию марксизма Ленин, было для него неприемлемым. «Разница между нами гораздо глубже и простирается до самых коренных основ нашего революционного мирозерцания» (XV, 107), — писал он о своих разногласиях с Лениным. Сюда он включал и политические расхождения, относя Ленина и большевиков к разряду утопистов, бакунистов и бланкистов (XV, 76, 102, 112, 152; XIII, 184, 186 и др.) и философские расхождения, называя Ленина метафизиком и идеалистом.

Когда в 20-е годы были опубликованы философские конспекты и рукописи Ленина, где указывалось на ряд принципиальных ошибок и на методологические пороки в теории Плеханова, помимо тех, на которые Ленин указывал в своих ранее

опубликованных работах (в частности, в книге «Материализм и эмпириокритицизм») ни у кого не могло оставаться сомнения в том, что и В. И. Ленин, со своей стороны, считал свои теоретические позиции и позиции Плеханова далеко не однородными.

Но если это так, то, следовательно, анализ плехановских теорий, включая сюда и его литературно-эстетические взгляды, должен осуществляться с учетом той разницы, которая отделяет методологические принципы Плеханова от марксизма-ленинизма. Трудность задачи здесь состоит лишь в том, чтобы не допустить при этом шарахания из одной дурной крайности в другую. Не подлежит сомнению, что такие крайности одинаково недопустимы и вредны для самой выработки стройной системы научных взглядов будь-то по вопросам философии или же по вопросам эстетики и литературоведения.

Кто бы и как ни пытался принизить или игнорировать несомненно большой и важный вклад Плеханова в марксистскую теорию, от этого скорее начинает страдать сама теория, а не значимость плехановского наследия. В. И. Ленин это и имел в виду, когда говорил, что его теоретические работы должны «войти в серию обязательных учебников коммунизма». Ленин предупреждал, что пренебрежительное отношение к приобретениям плехановской теории обрекает современного теоретика на упрощенчество и вульгаризаторство.

Однако, с другой стороны, неоспоримо и то, что Плеханов безнадежно отставал от Ленина в вопросах современной теории. И дело тут не только в прямых ошибках и философских отступлениях Плеханова от марксизма. Слабые стороны Плеханова, как теоретика, не случайно с особой острой обнаруживались там, где предстояло самостоятельно применить диалектический метод Маркса к решению новых вопросов, возникавших перед идеологами пролетариата в изменившихся исторических условиях конца XIX и начала XX вв. В этих условиях было недостаточно повторения или приложения ранее открытых истин, нужно было, творчески развивая марксистскую теорию, уметь анализировать новые и своеобразные обстоятельства революционно-освободительного движения рабочего класса.

В. И. Ленин в конце 90-х годов решительно поддерживал идейную борьбу Плеханова за чистоту марксизма против ревизионизма Э. Бернштейна, К. Шмидта, русских «экономистов» и других «критиков» Маркса. Вместе с тем Ленин настоятельно подчеркивал насущную необходимость дальнейшего углубления марксистской революционной теории, необходимость привно-

сить теорию в соответствие с изменившейся исторической обстановкой. В статье «Наша программа» (1899) В. И. Ленин писал: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты **должны** двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима **самостоятельная** разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие **руководящие** положения, которые применяются в **частности** к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России».³

Критики Плеханова не раз утверждали, будто бы он не допускал мысли о творческом отношении к наследию Маркса и Энгельса и смотрел на теорию Маркса с догматических позиций. Это совершенно неверно. В общем виде Плеханов не только признавал, но всегда подчеркивал необходимость учитывать конкретный характер исторических условий и развивать теорию применительно к ним. «Один остроумный француз заметил, что он не хотел бы думать, как Вольтер, в такое время, когда Вольтер думал бы иначе. Мы должны последовать примеру этого французца, — писал Плеханов в предисловии ко второму изданию «Манифеста Коммунистической партии» (1900). — Если бы мы захотели думать, как Маркс и Энгельс, в такое время, когда Маркс и Энгельс думали бы иначе, то мы показали бы этим полную неспособность усвоить живой критический дух их учения...» (XI, 276). Позднее он буквально повторял ту же мысль: «Мы никогда не думали, что мы во всем должны слепо следовать примеру Маркса» (XIII, 208), и соглашался с тем, что нельзя требовать «поступать, как Маркс и Энгельс, в такое время, когда Маркс и Энгельс поступали бы иначе» (XIII, 210).

«Мы сделали бы жалкими педантами и смешными начетчиками марксизма; ...мы коренным образом изменили бы **духу своего собственного учения** и стали бы недостойными его, если бы хоть раз допустили, что наши теоретические и практические споры могут исчерпываться простым указанием на то, что утверждал Маркс, — заявлял Плеханов (XIII, 277).

Точно так же он не склонен был отрицать и историческое своеобразие России. Правда, в период борьбы с народничеством ему часто приходилось остро полемизировать с их субъективистскими теориями об исключительной самобытности России. Не без основания он видел в этих теориях стремления противодействовать переходу русского революционного движения на

идейные основы марксизма. Теория самобытности России, по его выражению, «становилась синонимом застоя и реакции» (II, 27). Полемика побуждала его делать упор на общие, а не на отличительные стороны общественного развития России по сравнению со странами Западной Европы. Но и в годы борьбы с народниками и позже он не отрицал ни исторических своеобразий, ни важности их теоретического осмысления. Плеханов стремился при этом лишь доказать, что учение Маркса позволяет как полностью познать эти своеобразия, так и правильно определить практические действия передовых борющихся сил с их учетом. «Общие философско-исторические взгляды Маркса, — писал он, — имеют равно такое же отношение к современной Западной Европе, как к Греции и Риму, Индии и Египту. Они обнимают всю культурную историю человечества и могут быть неприменимы к России только в случае их общей несостоятельности. Само собою понятно, что ни автор «Капитала», ни его знаменитый друг и сотрудник не исключают из своего поля зрения экономических особенностей той или другой страны; они только ищут в них объяснения всех ее общественно-политических и умственных движений» (II, 47). Это сказано Плехановым еще в брошюре «Социализм и политическая борьба» (1883). Впоследствии, отвергая утверждения о неприменимости учения Маркса к особым условиям России, он доказывал, что марксизм не закрывает глаза на своеобразие «общественно-политических и умственных движений» в различных странах, но и не абсолютизирует этих условий. Марксизм позволяет научно объяснить все богатство и все многообразие исторической реальности.

Но одно дело признавать своеобразие складывающихся революционных ситуаций в истории и признавать необходимость их конкретного теоретического осмысления и, следовательно, приведения теории в соответствие с новыми историческими условиями, а совсем другое дело своевременно заметить исторические перемены, правильно понять их характер, правильно определить расстановку общественных сил в революционной борьбе и уметь дать правильные теоретические решения тех задач, которые вытекают из изменившихся условий революционной практики. Последнее оказалось не по плечу Плеханову. Нередко именно тогда, когда надлежало творчески самостоятельно решать живые проблемы современного революционного движения и связанной с ним современной революционной теории, Плеханов обнаруживал свою слабость и несостоятельность, как теоретика. Конечно, абсолютно неправомерно было бы утверждать, как это делалось ниспровергательской крити-

кой, будто Плеханов вообще ничего нового не внес в теорию, что он, в лучшем случае, умел лишь повторять и разъяснять то, что до него высказали намного раньше Маркс, Энгельс или другие теоретики. Плеханов был глубоким и самостоятельным мыслителем, человеком колоссальной эрудиции. В ряде исключительных по важности вопросов философской мысли, материалистического понимания истории, истории русской и западно-европейской философской мысли, в эстетике и теории литературы он умело применял диалектический метод Маркса и дал такие глубокие научные решения, которые обогатили сокровищницу мировой теоретической мысли. Его теоретические приобретения не теряют своего большого значения и с течением времени. Но его сила в теории — это все же, по преимуществу, сила традиции. Он пользовался почти исключительно теми фундаментальными основами науки, которые до него были выработаны его учителями К. Марксом и Ф. Энгельсом. Сталкиваясь с новыми теоретическими и историческими проблемами, которые пуждались для их решения в дальнейшем углублении, дополнении и развитии фундаментальных принципов научного мышления, Плеханов пасовал и пытался решать их, опираясь на книжные источники, на «исторические параллели» и аналогии. Не случайно он запутывался главным образом и чаще всего именно при анализе новых социально-исторических явлений общественного развития и современных теоретических задач, вытекавших из особого характера современных обстоятельств.

Вот почему Плеханова нельзя отнести к числу новаторов в науке, хотя он и принадлежал к новаторскому, марксистскому направлению в ней. В основном он был пропагандистом и распространителем марксизма в таких областях теории, которые до него были слабо изучены или вовсе не изучены на основе марксистской методологии и где, следовательно, требовалось самостоятельное применение метода Маркса и Энгельса.

2.

Нечего было и думать, что кто-то из меньшевистских приверженцев Плеханова, занимавшихся вопросами философии или вообще проблемами теории, вдруг оказался бы до Октябрьской социалистической революции способным объективно осветить и оценить его теоретическую деятельность, вскрыть слабые стороны его взглядов, отделить в его работах то, что составляло их силу и ценность. Правда, лидеры меньшевизма, особенно в годы идейного разброда в их стане после поражения первой русской революции, по многим вопросам часто рас-

ходились между собою. Не все представлялось им приемлемым и у Плеханова. Даже «старые» соратники Плеханова по группе «Освобождение труда» П. Б. Аксельрод и В. И. Засулич, примкнув к ликвидаторам, не «жаловали» некоторых плехановских теорий и вступали с ним в полемические перепалки. Но в одном теоретике меньшевизма проявляли старательное единство. Ослепленные враждой к большевикам, они всякий раз по вопросам теоретических расхождений Плеханова с Лениным занимали сторону Плеханова и всячески превозносили его теоретический авторитет. Меньшевики представляли Плеханова в виде «ортодокса» высшей пробы. При этом меньшевистские апологеты Плеханова по фракционным соображениям и под влиянием оппортунизма превозносили нередко худшие, ошибочные его теоретические положения, используя эти положения для нападок на Ленина и большевиков.

Так еще до революции плехановская «ортодоксия» стала выражать по преимуществу не то, что отличало Плеханова от философского «ревизионизма», но то, в чем сам он «опошлял», «извращал» марксизм, подменяя его тактическим и теоретическим оппортунизмом. Отход Плеханова от революционного марксизма стал использоваться под видом «ортодоксии» в идейной борьбе против ленинизма его врагами.

В ущерб марксистской теории меньшевики, выдавали за образец «ортодоксии» все писания Плеханова, не выделяя в них теоретически полноценных положений и хотя бы самых явных его ошибок.

Весьма показательно на этот счет выступление Л. И. Аксельрод-Ортодокс (которая стремилась зарекомендовать себя, быть может, больше, чем кто-либо, убежденной сторонницей «плехановской ортодоксии») в рецензии на книгу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», написанной ею в 1909 г.

Известно, что в своей книге Ленин отдает должное заслугам Плеханова в борьбе за философский материализм против махизма, но указывает вместе с тем на непоследовательность его в этой борьбе, отмечает серьезные ошибки, которые нарушают стройность материалистической теории познания и ведут к уступкам агностицизму. Ленин подверг критике плехановскую теорию «иероглифов», его определение понятия «опыт», представлявшее, по выражению Ленина, «одну сплошную путаницу»,⁴ признание ощущений «символами вещей», а не копиями их, признание «веры» в существование внешнего мира и т. п.

Ленинская критика плехановских ошибок и отступлений

от диалектического материализма вызвала гнев и раздражение у Л. И. Аксельрод. Не утруждая себя доказательствами, она отвергает эту критику, объявив, что будто бы все объясняется тем, что «Ильин абсолютно не понял» Плеханова.⁵ Вся рецензия, проникнутая апологетическим духом по отношению к Плеханову, в то же время нацелена на то, чтобы приписать и Аксельроду, и самому Ленину, как теоретика. По заключению Л. Аксельрод, у Ленина нет «ни гибкости философского мышления, ни точности философских определений, ни глубокого понимания философских проблем».⁶ Она утверждает, что «в книге Ильина нет новых мыслей», что книга якобы «не обладает серьезной, вдумчивой и тонкой аргументацией». Л. И. Аксельрод заявляла, что «по существу Ильин не сказал ничего такого, что не было бы высказано раньше ортодоксальными марксистами».⁷

Небезинтересно заметить, что сам Плеханов иначе отнесся к книге В. И. Ленина. В. Ф. Горин свидетельствовал: «Бельтов (Плеханов.— В. А.) о ней хорошо отзывался, хотя он в ней здорово задет».⁸ В одном из примечаний к статье «Materialismus militans», при перепечатке ее в сборнике «От обороны к нападению» (1910) Плеханов лично сам, хотя и немногословно, но достаточно определенно, высказался о книге Ленина принципиально иначе, чем Л. Аксельрод. «...Мне очень жаль,— говорит он здесь,— что даже противник идеализма Вл. Ильин счел нужным пройти в своей книге «Материализм» и т. д. против моих иероглифов: нужно же было ему ставить себя в этом случае за одну скобку с людьми, давшими самые неоспоримые и очевидные доказательства того, что порох выдуман не им!» (XVII, 39, сноски). Особый смысл этих слов станет ясен, если вспомнить, что с 1904 г. и до выхода книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» Плеханов не только трубил во все трубы о ленинской «беззаботности насчет философии» (XV, 392), не только пытался расчетливо спекулировать на утверждениях, подобных тем, что «в философии Ленин мирно уживается даже с эмпириомонистами» (XIII, 279), что он «топчет, как муха в молоке, в массе эмпириомонистов» (XIII, 358), но договаривался иногда до того, что вообще объявлял Ленина не материалистом, а мелкобуржуазным идеалистом (XV, 62) и идеалистом народольческого толка в философии. Даже признавая, что Ленина нельзя смешивать с махистами, примыкавшими к большевистской фракции, поскольку для Ленина, по его словам, «Мах и Авенариус в самом деле — чуждые «сюжеты», Плеханов не упускал случая, чтобы дискредитировать Ленина в теоретическом отношении: «Но ведь для него,— многозначительно добавлял Плеханов,— чужды и все прочие фи-

лософские «сюжеты», ибо по части философии он всегда был совершенно беззаботен» (XIII, 274).

В приведенном высказывании Плеханова (т. е. после выхода книги Ленина) была слесь Плеханова, который он прежде щеголял, заметно поубавилась. Он безоговорочно называет теперь Ленина «противником идеализма». Выражая сожаление по поводу того, что Ленин «счел нужным пройтись против его иероглифов», Плеханов, однако, в отличие от своего не в меру усердного апологета Л. И. Аксельрод, не берется оспаривать правильности ленинской критики по существу ни тогда, когда дело касается теории иероглифов, ни в отношении других допущенных им философских ошибок. Для него, по-видимому, сила убедительности критики Лениным ошибочных философских положений Плеханова была настолько убедительной, что сам он уже не решился спрятаться за грубую и неуклюжую увертку, вроде той, что воспользовалась Л. Аксельрод, хотя ее утверждение, что Ленин якобы «абсолютно не понял» Плеханов вследствие отсутствия у него «гибкого философского мышления», явно заимствовано из арсенала прежних нападок на Ленина не кого иного, а самого Плеханова.

Еще раз Плеханов отозвался о книге В. И. Ленина в статье «Комедия ошибок» (1910). Статья написана в связи с обвинениями Плеханова предводителями «меньшевистского муравейника» (слова Плеханова) за то, что тот, по их утверждениям, «предался большевикам». Ответая на эти обвинения одному из них (А. Мартынову), Плеханов разъясняет, что, во-первых, как он считает, следует отличать «большевиков ленинского толка» от «большевиков толка Максимова», так как последние «представляют собою анахо-синдикалистов, а не социал-демократов». Во-вторых, хотя каждая из сторон, и меньшевики и Ленин, сделали по много ошибок (Плеханов остается верен себе, разыгрывая роль непогрешимого «ортодокса!»), но, продолжает он: «справедливость прежде всего. Как бы и ни расходился с Лениным, я считаю себя обязанным во всеулышание признать, что случалось и Ленину быть правым в то время, когда Вы ошибались. Пример: Ленин был прав, когда нападал и нападает на «ликвидаторов», с которыми Вы братались и братаетесь. Другой пример: в то время, когда Ленин занимался опровержением реакционной философии, одним из представителей которой является г. П. Юшкевич...» (XIX, 60).⁹ Плеханов, правда, не упускал случая, чтобы и тут утешить Ленина. По его мнению, Ленин «сполчился против реакционной философии» «гораздо позже, чем следовало, но лучше позже, чем никогда» (XIX, 60). Высказав свою обиду: «Ленин,

воюя с идеалистами, пытался оцарапать и меня» (XIX, 61, сноска), Плеханов и здесь не взялся однако оспаривать критику Лениным его философских ошибок. Он заявил, что не хочет «быть пристрастным к философскому выступлению Ленина», несмотря на то, что «личные мотивы» настраивали его против книги Ленина (там же).

Плеханов настойчиво отвергал лишь критическое замечание Ленина, касающееся одной из наиболее существенных его философских ошибок — признание «теории иероглифов». Плеханов утверждал, что эту свою оплошность он заметил первым сам еще до того, как на нее обратили внимание другие, и сам же исправил ее. Защищаясь от ленинской критики, Плеханов пытался представить свою ошибку как малозначительную, «терминологическую» неточность. Сейчас очень хорошо известно, что это далеко не так и что Плеханов отнюдь не случайно путался в вопросах гносеологии, совершая грубейшие отступления от материалистической диалектики. В. И. Ленин блестяще вскрыл коренную природу его ошибок и, развивая теорию отражения, не только «отбросил», но теоретически преодолел их.

Из сопоставления точек зрения Л. И. Аксельрод и Плеханова по одному только взятому нами частному вопросу оценки каждым из них книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», отчетливо видно, насколько недопустимо безоговорочно ставить в один ряд Плеханова с его апологетами. Важно заметить при этом, что отличие определяется здесь не одним лишь преобладанием несопоставимо более мощного теоретического ума, более значительной теоретической глубины понимания частных ли или же общих проблем, которые вставали перед теоретическим разумом, а также более высокой требовательностью при решении теоретических задач, но и тем еще, что у сторонников «плехановской ортодоксии» недостатки, свойственные самому Плеханову, стали выступать в гораздо более утрированной форме.

Особенно в тех случаях, когда затрагивались спорные и нерешенные вопросы, в которых проявлялись указанные выше расхождения между Плехановым и Лениным, частью из-за недоразвития его метода, а частью из-за неумения Плеханова «идти вперед», «творить будущее», сам он в запальчивости фракционных оппортунистических настроений не избегал элементов личного произвола в его суждениях. С этим были связаны и к этому побуждали Плеханова также безынициальное отношение к восприятию некоторых устаревших и обветшавших идей или к попыткам представлять дело решенным, когда,

в действительности, надлежало заново разобраться в существенно изменившихся исторических явлениях, сделать новые обобщения и выводы. Но выдающийся ум, энциклопедичность знаний, которыми он обладал, хотя и не всегда и не во всем, все же удерживали его от многих, а тем более явных, упрощений. Теоретическая взыскательность, искреннее стремление к объективной теоретической достоверности, при всей непоследовательности Плеханова, составляли силу и достоинство Плеханова, как мыслителя и пропагандиста марксизма в различных областях социальной науки.

Всего этого недоставало его незадачливым апологетам. Они снизили уровень мысли и стали возводить в «символ веры» все вышедшее из-под пера Плеханова, без различения в его теоретическом наследии каких-либо сильных и слабых сторон. Такие тенденции легко заметить у «плехановцев» (Л. Аксельрод, А. Деборин), поклонявшихся ему, как высшему теоретическому авторитету, еще до Октябрьской революции.

3.

Победа революции, казалось бы, должна была отрезвить умы тех, кто склонен был к непомерному возвеличению Плеханова за счет недооценки и непонимания великого ленинского вклада в развитие современной научно-теоретической мысли. Великая Октябрьская социалистическая революция явилась высшим критерием и лучшим судьей в определении правильности современных теорий. Она подтвердила ни с чем не сравнимую истинность и значимость ленинских теоретических открытий и принципов. Тем не менее по целому ряду причин этого, однако, не произошло в 20-е годы. Незрелость и неразвитость молодой советской научной мысли, переживавшей период становления и поисков, не позволили ей сразу освободиться от утвердившихся прежних наслоений и трезво разобраться в сложных проблемах различных отраслей теории, столкнувшись с невиданными в истории революционными переменами в материальном и духовном укладе всей жизни.

Но не только «молодость» и «проблемы роста» нашли выражение в тех нередки крайних, угловатых или же упрощенных представлениях о Плеханове, да и вообще в теоретических понятиях, особенно в литературно-эстетической области, этого периода. Не малую роль сыграло и прямо и косвенно то обстоятельство, что «плехановская ортодоксия» оказалась в эти годы одним из идейных орудий в руках антипартийных фракционных авантюристов, пользовавшихся ею в борьбе против ленинизма.

Правда, идейные враги ленинизма не могли уже не считаться со многими очевидными истинами. Но даже те из них, кто на словах признавал теоретическое значение деятельности Ленина, нарочито ограничивали это значение узкой сферой социально-политических вопросов, которые якобы исключительно и разрабатывались Лениным. Ими усиленно навязывалась мысль, что Ленин не был теоретиком в точном смысле. О Ленине говорилось, как о практике, который умел лишь применять то, что выработала до него или помимо него марксистская теория.

В начале 20-х годов Л. Троцкий придал этим возрожденным меньшевистским измышлениям о Ленине видимость научно-образного определения и обоснования. В истории марксистского движения Троцкий отвел ленинизму место «марксизма на практике». Он назвал Ленина «чистым практиком» и в качестве такового противопоставил его «чистому теоретику» Плеханову.

Надо заметить, что когда указывается на эти троцкистские положения, обычно не принимается во внимание, что, открыто принося Ленина, Троцкий ни в какой мере не обнаруживал склонности «приподнять» Плеханова и придать особо важное значение той роли, какую Плеханов сыграл в развитии марксизма. Плеханова он характеризовал как теоретического «предвестника действующего пролетариата», прозрачно намекая на то, что теперь теория Плеханова сохраняет исторический интерес. В эпоху борьбы «действующего пролетариата» «плехановский марксизм» остался пройденным этапом. «Действующий пролетариат» имеет своего теоретического «вождя». Зараженный до карикатурности преувеличенной амбицией, Троцкий мнил, как известно, таким «теоретическим вождем» «действующего пролетариата» не кого-либо иного, а самого себя. Добываясь подмены марксизма-ленинизма троцкизмом, он не отступал от своей цели и тогда, когда пользовался противопоставлением Плеханова Ленину. В его определениях (Ленин — «чистый практик», Плеханов — «чистый теоретик») заключено прежде всего конъюнктурное фракционное соображение, рассчитанное на то, чтобы опорочить ленинизм. Но Троцкий не расположен был возвеличивать и Плеханова. Имя Плеханова использовалось Троцким лишь как удобное подспорье в его идейной борьбе с ленинизмом.

Утверждение о «практике-Ленине» и «теоретике-Плеханове» в 20-е годы так или иначе отразилось едва ли не на всем состоянии теоретической мысли. Непосредственно оно проявлялось, естественно, в социально-философской литературе этих

лет. Но его влияние не трудно заметить также в работах по эстетике, литературоведению, искусствознанию многих авторов, придерживавшихся марксистской методологии. Влияние этого утверждения неизбежно вело к недооценке идейно-теоретического наследия В. И. Ленина особенно при разработке названных областей знания.

О том, сколько неясности существовало в представлениях о роли и месте Плеханова и Ленина в развитии марксистского движения и как далеко могла вследствие этого заходить путаница в этих вопросах, можно судить по многочисленным фактам и литературным выступлениям 20-х годов.

Остановимся хотя бы на некоторых из этих фактов и выступлений.

В 1923 г. по этим вопросам развернулась целая дискуссия между Н. Бабаханом и автором, скрывшимся под псевдонимом **Материалист**.

Н. Бабахан в газете «Правда» выступил со статьей «Марксизм и ленинизм»,¹⁰ где непосредственно ставил своей целью выяснить сущность ленинизма и его место в развитии марксизма. Он признавал, что ленинизм есть «знамя, под которым организуются отряды международного пролетариата для боя за коммунизм». Однако встает вопрос о соотношении ленинизма с предшествующей стадией марксизма. По сути, — отвечает Н. Бабахан на этот вопрос, — в теоретическом отношении между ними нет разницы. «Учение ленинизма nascitur марксизмом; марксизм есть база для ленинизма, ленинизм без марксизма немыслим», — писал он. Различие здесь состоит лишь в том, что учение Маркса и Энгельса являлось стадией теоретического марксизма, ленинизм же — это революционный марксизм эпохи господства практики.

«Вожди пролетариата — Маркс и Энгельс — выполняли свою историческую роль тем, что, осмыслив место, роль и значение пролетариата в жизни, истории человечества, дали **гениальную теорию, но только теорию**. Они были **теоретическими предтечами** будущих кровавых классовых битв, но не **вожаками этих битв**».

«Марксизм вообще сменился революционным марксизмом. Эпоха господства теории уступила свое место эпохе господства практики, или скорее — полного сочетания и сращения теории и практики. Это сочетание теории Маркса и практики пролетарской революции мы имеем в учении Ленина» (всюду курсив автора).

Из этих слов видно, что Н. Бабахан стоит на известной уже нам точке зрения, согласно которой ленинизм не заклю-

чает в себе никаких новых качеств в теоретическом смысле. Ленин лишь приложил теорию Маркса к практике пролетарской революции.

В своей статье Н. Бабахан касается и места Плеханова в марксизме. Для того, чтобы понять, какую роль сыграл Плеханов, следует, по мнению Н. Бабахана, иметь в виду, что, если ленинизм немыслим без марксизма, то «марксизм без ленинизма мы имеем — это все реформисты, ревизионисты, социал-демократы. Это «чистые» марксисты, сторонники догмы, противники диалектики и высохшие мумии теории...». Их Н. Бабахан объявляет «марксистами» **минувшего этапа развития рабочего движения**. Они — «вчерашний день» марксизма, марксизма вообще. Ленинизм — «сегодняшний этап». Из этих соображений вытекают суждения Н. Бабахана о Плеханове: «Плеханов, — говорит он, — это теория Маркса на русской почве. Плеханов — это целая полоса господства теории и отсутствие и даже боязнь подлинной революционной практики. Плеханов — неотъемлемая часть минувшего «теоретического» этапа в развитии движения пролетариата. Этого не следует упускать из виду многим нынешним поклонникам Плеханова «вообще».

Против положений, высказанных Н. Бабаханом, на страницах журнала «Под знаменем марксизма» выступил **Материалист**. Его возражения относились к той схеме Н. Бабахана, по которой выходило, будто оппортунисты были «вчерашним днем марксизма». Если согласиться с Н. Бабаханом, то следовало признать Шейдемана, Дана, А. Тома, К. Каутского, Турати и прочих оппортунистов всех стран предтечами Ленина. **Материалист** напоминал высказывания Ленина, который считал, что оппортунисты выступали не в роли марксистов, но что они «извратили», «изогнали», «фальсифицировали, опонцили» учение Маркса. **Материалист** расценивал попытку Н. Бабахана выдать оппортунизм и ревизионизм за некое подобие «разбитой машины вчерашнего дня — марксизма» в его «чистом» виде, как возрождение оппортунизма.¹¹ Отверг он и взгляд на ленинизм, предложенный Н. Бабаханом. Для **Материалиста** представлялась неприемлемой сама постановка вопроса о каких-либо отличительных особенностях ленинизма по сравнению с учением Маркса.

Говоря о Плеханове, **Материалист** указывал на недопустимость и неправомерность разделения в его деятельности теории и практики. Цитируя слова Ленина из его статьи «Наши упразднители», он утверждал, что, по мнению Ленина, формирование русского марксизма, а следовательно, практика, дело, были невозможны, «без выяснения Бельтовым основ философ-

ского материализма».¹² По убеждению **Материалиста**, Плеханов разрабатывал не только теоретические основы, но и практику русского марксизма.

Н. Бабахан не оставил без ответа выступления **Материалиста**. В очередном номере журнала «Под знаменем марксизма» он поместил статью под названием «В защиту ленинизма», хотя его «защита» послала своеобразный и более чем двусмысленный характер. На этот раз Н. Бабахан уже не касался вопроса о «марксизме международных оппортунистов, ревизионистов, социал-демократов». Обнаружив у **Материалиста** явно неверную характеристику роли Плеханова в русском марксистском движении, Н. Бабахан почти целиком посвящает свою статью сопоставлению Ленина и Плеханова, задавшись целью обвинить самого **Материалиста** в оппортунистическом извращении представления о сущности ленинизма. Во-первых, замечает Н. Бабахан, вопрос о Плеханове нельзя ставить «вообще»: «мы не имеем одного цельного до конца Плеханова».¹³ Был Плеханов марксист, основавший группу «Освобождения труда», написавший ряд блестящих работ по диалектическому и историческому материализму, сотрудничавший в старой «Искре» и «Заре». Но есть другой Плеханов — обыватель, поддерживавший «справедливую» империалистическую войну, издававший «Единство», работавший в органах правительства Львова-Керенского и добившийся «плехановской» прибавки к проповою содержанию железнодорожников. Этот Плеханов ничего общего с марксизмом не имеет.

Во-вторых, снова повторяет Н. Бабахан, Плеханов был марксистом, главным образом в вопросах теоретических. Отстаивая эту свою мысль, Н. Бабахан прямо ссылается на Троцкого: «Плеханов не был вождем действующего пролетариата, а только его теоретическим предвестником». Да, **возражая Материалисту** говорит Н. Бабахан, «Плеханов боялся подлинной революционной практики». Плеханов отражал ту эпоху в рабочем движении, когда марксизм существовал только в теоретическом виде. «Ленин также продукт и отражение, но другой, более поздней эпохи рабочего движения, эпохи наступающих классовых битв не за частичное улучшение в рамках капитализма, а за ликвидацию всей системы в целом».¹⁴

В характеристике ленинизма Н. Бабахан теперь также непосредственно опирается на Троцкого. Выдвинутый Троцким тезис, согласно которому ленинизм — это «марксизм на практике», составляет основу его рассуждений. Однако в применении его Н. Бабахан непоследователен. Он сознает недостаточность и этого тезиса и своего прежнего утверждения о ле-

нинизме, как о простом «сращении» марксистской теории с практикой. «Теперь,— заявляет Н. Бабахан,— в нашу эпоху, **нужно Маркса и марксизм воспринимать** сквозь призму понимания Ленина и только Ленина. Теперь одним Плехановым — к великому огорчению нашего «плехановца вообще» — революционером быть нельзя. Нужен Маркс плюс Ленин, иная формула, иная трактовка для нас неприемлема».¹⁵

Путаные рассуждения и определения Н. Бабахана свидетельствуют о том, что вопросы, за решение которых он принимался, были совершенно неясны ему. Соглашаясь, с одной стороны, с положением о «практическом» характере ленинизма, он вместе с тем, хотя и смутно, сознает, что «призма понимания Ленина» заключает в себе нечто такое, что в новых условиях «дополняет» и развивает дальше учение Маркса. Но если это так, то, следовательно, неприемлема не только точка зрения «плехановца вообще» и точка зрения о «чистом» теоретическом марксизме самого Н. Бабахана, но и «формула» Троцкого — «ленинизм есть марксизм на практике». Н. Бабахан не замечает этого и апеллирует к Троцкому, как к высшему авторитету в решении поставленных им вопросов.

Журнал «Под знаменем марксизма» завершил полемику между Н. Бабаханом и **Материалистом** опубликованием статьи **Материалиста** «Ответ Н. Бабахану». В ней категорически отвергалась всякая мысль о новаторской сущности ленинизма с теоретической точки зрения. Ни Ленин, ни сама наша революция не внесли ничего такого, что, по утверждению **Материалиста**, заставило бы «**принципиально** менять хотя бы какую-либо часть этого величайшего и стройнейшего здания, называемого марксизмом».¹⁶

Материалист писал: «Ленин это не некая «новая сущность», которую надлежит прибавить к Марксу, чтобы получить «подлинную революционную практику», а есть марксизм в том объеме, какой современный этап освободительной борьбы рабочего класса приобрел, включил в поле своего сознания своей буйной и бурной революцией».¹⁷

Полемика между Н. Бабаханом и **Материалистом** показательна, как образчик состояния теоретических взглядов определенных кругов на сущность ленинизма в двух отношениях. Во-первых, она наглядно свидетельствует о глубоком влиянии и в 20-е годы бытовавшего еще с дореволюционного времени мнения, что деятельность Ленина не имела или почти не имела теоретического значения. Каким бы значительным ни представлялось различие между позициями Н. Бабахана и **Материалиста** в отдельных вопросах, составлявших предмет спора

между ними, но в основном тот и другой, с весьма незначительным оттенком, близки друг другу: Ленин для них не теоретик, а «чистый» практик или по преимуществу «чистый» практик. Во-вторых, характер этой полемики показывает, до какой степени могла доходить открытая недооценка теоретического наследия Ленина не только в частных и узких областях марксистской теории, но даже в таких областях каковы теория социалистической революции, осмысление закономерностей современного исторического развития, теория социалистического строительства и т. п. Тут наглядно обнаруживается нерешенность коренных методологических основ, которые могли бы служить опорой для дальнейшего развития марксистской теории, независимо от области ее применения.

Приведенный пример прямого (у **Материалиста**) или едва прикрытого (у **Н. Бабахана**) отрицания теоретического новаторства и даже самого теоретического значения ленинизма не был каким-либо случайным или изолированным отдельным эпизодом в литературе 20-х годов. Напротив, тут лишь с особенной резкостью проявилось то, что характеризовало определенную линию, которая ориентировала теоретическую мысль этого времени на заведомую недооценку роли ленинизма в науке.

Ведь не случайно, например, журнал «Вестник Коммунистической Академии» в 1924 г. всерьез рассуждал и занимался опровержением допустимости лозунга, который был написан в то время на одном из знамен Института Красной Профессуры: «Марксизм в науке и ленинизм в тактике — таково наше знамя».¹⁸

На всем протяжении 20-х годов, и прямо и косвенно, особенно теми деятелями, которые в прошлом были связаны с меньшевизмом и его идеологией, а после революции не сумели преодолеть своих прежних умонастроений и не могли подняться до понимания и признания сущности ленинизма (**Л. Аксельрод**, **А. Деборин**, **Д. Рязанов** и др.), часто совершенно открыто высказывались утверждения в конечном счете мешавшие переходу научной мысли на методологические основы ленинизма.

А. Деборин, в отличие от других, признавал даже исключительную историческую важность вклада Ленина в разработку марксистской теории. В своей книге «Ленин, как мыслитель» он указывал, что Ленин решил многие коренные проблемы современности. Но все это, по его мнению, относится не к чистой теории, а в основном к области практической революционной борьбы современного пролетариата. **А. Деборин** так

же, как и некоторые другие теоретики этих лет, марксизм отрывал от практики пролетарской революции, рассматривал его как «чистую теорию». Из этого исходили следующие его суждения о Плеханове и Ленине: «Оба эти мыслителя в известном смысле дополняют друг друга. Плеханов прежде всего теоретик, Ленин же прежде всего практик, политик, вождь».

Правда, что касается точки зрения **А. М. Деборина** в целом, то ради исторической достоверности и справедливости необходимо сделать одно существенное уточнение. С середины 20-х годов, особенно после опубликования философских рукописей и конспектов **В. И. Ленина**, он во многом изменил свой взгляд. **А. Деборин** уже не только не отстаивал тезис о теоретическом превосходстве Плеханова над Лениным, но признавал, что Ленин упел в философии дальше Плеханова и был более глубоким диалектиком. Когда в 1930 г. **А. Деборин** подвергся резким обвинениям за не критическое отношение к Плеханову, он утверждал даже, что он «первым», по его словам, указал на «отдельные механистические ошибки Плеханова» и на то, что «у Плеханова имеется, по сравнению с Лениным, недооценка диалектики и ряд других недостатков». **А. Деборин** заявлял, обращаясь к своим критикам: «Я говорил: нет, Ленин пошел дальше Плеханова, и Ленин прав, а Плеханов неправ, как Плеханов неправ в целом ряде других пунктов... Я первый это сделал, а теперь вы меня «критикуете», узнав обо всем этом от меня же, но при этом, как вообще полагается левым загибщикам, вы готовы Плеханова вообще вычеркнуть из истории марксизма... Что сделано, то сделано, ошибки были, будем их оценивать, обсуждать, отвергать, но просто заявлять, что Плеханов идеалист, и надо его выкинуть, — это мы считаем неправильным».¹⁹

Претензия **А. Деборина** на приоритет в указании философских ошибок Плеханова звучит по меньшей мере странно: он в самом деле «указывал» на плехановские ошибки и недостатки. Но эти «указания» были, как правило, повторением в его статьях того, что задолго до Деборина говорилось об ошибках и недостатках в философии Плеханова Лениным. Все же в одном **А. Деборин** был несомненно прав. Еще в своей статье «Ленин о сущности диалектики»²⁰ он признавал безусловно справедливыми ленинские критические замечания об ограниченности плехановских взглядов на сущность диалектики. Таковы, по его мнению, упреки Ленина Плеханову в том, что Плеханов (как и Энгельс) берет тождество противоположностей как сумму примеров, а не как общий закон мира и познания, а также отделяет теорию познания, как особую самостоятельную

дисциплину, от диалектики. Между тем, приводит А. Деборин высказывание Ленина, полностью соглашаясь с ним, «диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма».²¹

Но и тогда, когда А. Деборин стал признавать важное значение ленинского вклада в развитие теории (точнее философии), он не отступился от своего прежнего убеждения, что «как мыслители Плеханов и Ленин взаимно дополняют друг друга». За этим убеждением у него скрывалось соображение, что, по крайней мере, в некоторых областях теории, Плеханов сохраняет самостоятельную и не меньшую силу, авторитета, нежели Ленин в других областях.

Другие авторы вплоть до конца 20-х годов не допускали даже таких «уточнений плехановского марксизма», которые прослеживаются, например, у А. Деборина. Они продолжали настойчиво твердить избитую старую схему о «Плеханово-теоретике» и о «Ленине-практике».

Ю. Бородин еще в 1928 г. писал: «Между Плехановым и Лениным как бы произошло разделение труда: первому принадлежит заслуга теоретического обоснования программы русской социал-демократии, второму — разработка тактических и организационных вопросов. Это отнюдь не означает, что Ленин не был теоретиком, такой вывод ни в коем случае делать нельзя. Это нужно понимать только в том смысле, что В. И. Ленин, придя в рабочее движение, застал — в основном — уже разработанную теорию и философию марксизма. Этим объясняется и то обстоятельство, что В. И. Ленин за всю свою жизнь посвятил философии один только труд («Материализм и эмпириокритицизм»)».²²

Но если в подобного рода рассуждениях принижение и недопонимание качественного новаторства теоретического наследия Ленина преподносилось в упрощенном виде, то в некоторых выступлениях по вопросам теории и истории марксистской мысли на страницах изданий 20-х годов можно обнаружить и попытки отрицания ленинизма с использованием более «уточненных» приемов. Это, пожалуй, наиболее характерно для некоторых приверженцев старых меньшевистско-оппортунистических догм, понимавших, что в своем прежнем виде эти догмы, опровергнутые ходом самой истории, нелепо было отстаивать после победы социалистической революции. Они становились в позу одинаково объективных и беспристрастных исследователей идейной борьбы между Лениным и меньшевиками и пытались придать делу такой вид, что истина будто бы находится не на той или другой из борющихся между собою сторон, но что во имя научной объективности нужно

возвыситься над расхождениями между большевиками и меньшевиками. Таким путем проводилась все та же мысль, что научная марксистская теория идет якобы своим особым путем, к которому ленинизм не имеет непосредственного отношения.

Д. Б. Рязанов, под редакцией которого в 20-е годы изданы сочинения Плеханова (т. т. I—XXIV) — один из типичных представителей этого «беспристрастного» направления исследователей. Сам Д. Рязанов следующим образом публично определил свое идеологическое кредо в 1929 г. в выступлении на вечере, посвященном его 60-летию: «Я не большевик, — говорил он, — я меньшевик и не ленинист. Я только марксист, и, как марксист, я коммунист».²³

Декларация Д. Рязанова, замаскированная под «объективность», эхом перекликается с меньшевистско-троцкистским тезисом о некоем «чистом марксизме». Заявляя, будто есть коммунизм «без ленинизма», которого он не принимает, Д. Рязанов ничего нового не добавляет к их тезису (хотя и провозглашает, что он «не меньшевик»), а практически сливается со всеми теми, кто идейно отвергал ленинизм. Впрочем, в идейной позиции Д. Рязанова тоже не было ничего неожиданного. В его «чистом марксизме» всегда держался такой дурной душок, что даже Плеханов, когда он, по выражению Ленина, еще «не был ни большевиком, ни меньшевиком, а был основателем социал-демократии» беспощадно обрушивался на «чистый марксизм» Рязанова, назвав его «ортодоксальным букввоедством». Плеханов расценил тогда взгляды Д. Рязанова как «смесь из очень плохо понятого им марксизма и... слишком врезавшихся в его память реакционно-утопических требований социалистов-«революционеров» (XII, 410).

Однако ни критика недостатков, свойственных его взглядам, ни опыт незадачливых последующих идейно-политических скитаний, к сожалению, не отрезвили Д. Б. Рязанова и не научили его объективно, критически отнестись к себе самому. После революции он все так же сохранял поучающий тон, который означал, что и Плеханову и Ленину недоставало его, рязановского умения стать «выше» и большевиков и меньшевиков.

О Плеханове Д. Рязанов писал, что он «является не только блестящим популяризатором марксизма, но и одним из наиболее глубоких и самостоятельных учеников Маркса и Энгельса, если не «дополнявшим», то всегда развивавшим их учение», что «Плеханов, среди учеников Маркса и Энгельса, почти не имел себе равного ни по разносторонности своих знаний, ни по глубине и силе теоретической мысли».²⁴ Но вместе

с тем в написанных Д. Рязановым предисловиях к томам сочинений Плеханова не раз-таки проскальзывают прозрачные намеки на то, что целый ряд здравых суждений Плеханова складывался под прямым благотворным воздействием его, Д. Б. Рязанова, да и вообще Плеханов «еще бы больше навострился», когда бы побольше и повнимательнее прислушивался и присматривался к рязановским наставлениям.

4.

Близкое знакомство с идейной борьбой вокруг наследия Плеханова в 20-е годы вводит нас в атмосферу очень сложных и очень различных по своему характеру обстоятельств, от которых зависели в каждом конкретном случае отношения к Плеханову и оценки его наследия тем или другим отдельным автором или даже целой литературно-общественной группировкой той поры. Тут взаимодействовали многие идейно-теоретические и просто временные факторы и все эти факторы в своей совокупности разными путями оказывали влияние на исследования и на критические работы о Плеханове. В суждениях о нем давали себя знать и некоторые не изжитые тогда издавна сложившиеся представления и схемы и трудности самой задачи, связанной с изучением плехановского наследия, так как противоречивость его и вследствие идейно-политической эволюции и вследствие неоднородности теоретических взглядов Плеханова, делали и до сих пор делают изучение его наследия самой нелегкой задачей.

Но в переплетении многочисленных факторов и обстоятельств, которые должны приниматься в расчет при выяснении вопроса об оценке Плеханова в 20-е годы, особое значение приобретает то, что идейная борьба вокруг плехановского наследия находилась тогда в прямой связи с ожесточенной борьбой внутри партии, развернувшейся в связи с активизацией антиленинских фракционных группировок. Эти группировки сознательно и открыто цеплялись за Плеханова в целях противодействия ленинизму. Они использовали прием противопоставления «Плеханова-теоретика» «практику-Ленину», чтобы помешать переходу научно-теоретической мысли на ленинский этап ее развития.

Партия в борьбе за ленинизм как научную основу строительства социалистических общественных отношений, в том числе и строительства социалистической духовной культуры советского общества, дала решительный отпор вражеским идейным нападениям на ленинизм.

Верные ученики и продолжатели дела В. И. Ленина рас-

крыли новаторский характер ленинского учения, показали, что учение Ленина явилось новым всемирно-историческим этапом развития марксизма на современной исторической стадии, в эпоху крушения империалистической системы, победоносных социалистических революций и перехода современного человечества к социализму.

И. В. Сталин говорил о Ленине в разгар этой борьбы: «Наука знает в своем развитии немало мужественных людей, которые умели ломать старое и создавать новое, несмотря ни на какие препятствия, вопреки всему. Такие мужи науки, как Лавуазье, Дарвин и многие другие, общеизвестны. Я хотел бы остановиться на одном из таких корифеев науки, который является вместе с тем величайшим человеком современности. Я имею в виду Ленина, нашего учителя, нашего воспитателя. Помните 1917 год. На основании научного анализа общественного развития России, на основании научного анализа международного положения Ленин пришел тогда к выводу, что единственным выходом из положения является победа социализма в России. Это был более, чем неожиданный вывод для многих людей науки того времени. Плеханов, один из выдающихся людей науки, с презрением говорил тогда о Ленине, утверждая, что Ленин находится в «бреду». Другие, не менее известные люди науки, утверждали, что «Ленин сошел с ума», что его следовало бы упрячь куда-нибудь подальше. Против Ленина вали тогда все и всякие люди науки как против человека, разрушающего науку. Но Ленин не убоился пойти против течения, против косности. И Ленин победил».²⁵

Если проследить процессы, которые происходили в советской научно-теоретической мысли в 20-е годы, то какими сложными и запутанными они не представлялись, — а здесь, действительно, было много сложного и чрезвычайно запутанного, — не трудно заметить все же, что через густую сеть разнородных течений, тенденций, точек зрения и оттенков мнений даже у той части теоретиков, которые стояли на позициях криклизма, чем дальше, тем все больше и сильнее давало себя знать положительное влияние идейной борьбы партии за утверждение ленинизма, как руководящей методологической линии всех отраслей советской социально-исторической науки. Конечно, путь этого перехода науки на позиции ленинизма нельзя назвать простым и гладким. У отдельных теоретиков, тем более в различных областях научной мысли он совершался неравномерно. Одни из них переходили на последовательные основы ленинизма быстрее, другие — замедленнее, но в или иначе линия не усвоение теоретических основ лени-

низма была заметной везде и у всех теоретиков, придерживавшихся марксистского образа мышления.

Под влиянием идейной борьбы ленинской Коммунистической партии против чуждых марксизму-ленинизму идеологических течений методология ленинизма одержала победу и утвердилась в 20-е годы сначала в социологии и философии, затем и в других областях знания.

Процесс усвоения методологических основ ленинизма наибольшим запозданием совершался в эстетике, литературоведении и искусствознании. Прямо надо сказать, что ни в какой другой области идеологии версия о «чисто» практическом характере ленинизма не проявлялась с такой прямолинейностью и последовательностью, как в вопросах теории искусства и литературы. Ведь при всей очевидной нелепости утверждение о том, что В. И. Ленин ничего не дал для эстетики и литературоведения и что в его наследстве ничего, кроме которых чисто политических установок, по вопросам литературы и искусства не содержится, было общепринятым вплоть до появления статьи А. В. Луначарского «Ленин и литературоведение» (1932), в которой впервые делалась попытка разъяснить, какую огромную основополагающую ценность имеют труды Ленина для развития теории искусства и литературы. Впрочем, в 20-е годы почти то же самое говорилось о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Причем мысли о том, что основоположники научного коммунизма мало что сделали для понимания природы искусства и закономерностей его развития, открывающиеся, высказывали не только недоброжелатели, но и искренние сторонники марксизма-ленинизма.

Даже такой убежденный большевик как П. И. Лебедев-Полянский, первым, между прочим, обратившийся к теме «Ленин и литература», в своих работах 20-х годов исходил из убеждения, что ленинские статьи и высказывания о писателях имеют лишь сугубо политическое значение. В. И. Ленин, по его мнению, обращался к литературе исключительно в редких случаях, когда без литературного материала невозможно было обойтись при решении организационных дел партии. Сюда он относил ленинские статьи о Толстом, высказывания о Чернышевском и Белинском, статью «Памяти Горького». «Эти статьи, — писал Лебедев-Полянский, — мало известны и будущие исследователи ленинизма, естественно, уделяют им меньшее внимание, хотя бы в силу того, что т. Ленин был жить в сознании человечества прежде всего как гениальный вождь мирового пролетариата, как гениальный политик, который не имел близкого, непосредственного отношения ни

литературной критике, ни к истории литературы».²⁶ Методологическое значение этих ленинских работ для науки о литературе оставались не понятыми П. И. Лебедевым-Полянским, да не только одним им.

Лишь опубликование ряда работ основоположников научного коммунизма, ранее неизвестных широкому читателю, позволило воочию увидеть, что их труды по вопросам литературы и искусства имеют фундаментальное значение для научной эстетики и открывают перспективы строго научного решения всех ее основных проблем.